

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ЕВРОПЕ: ЧЕРЕЗ МИФ К РЕАЛЬНОСТИ

В. И. Хрисанфов. Российский «исход»: мифы и реальность
Историографическое исследование о численности «первой
волны» российской эмиграции 1917 – 1920 гг. СПб.: Культурно-
просветительское товарищество, 2014. – 196 с.

ISBN 978-5-9904765-5-4

Среди публикаций, вышедших за последние двадцать с лишним лет, издания по истории эмиграции занимают одно из ведущих мест. Однако следует отметить, что их количество пока не перешло в качество. Среди вороха литературы по этой тематике найти заслуживающую внимания публикацию не так-то просто. Главным пороком современного издательского дела является погоня за прибылью в ущерб качеству продукции. А это приводит к тому, что авторы идут по пути наименьшего сопротивления, переписывая книги и мемуары эмигрантов.

Историю эмиграции начинали писать сами эмигранты и поэтому главный мотив их работ это самооправдание своего существования. В связи с этим в современных изданиях из одной книги в другую кочуют одни и те же данные без их критической проверки. Понятно, что сидеть годами в архивах и библиотечных залах весьма накладно, проще прочитать несколько книжек и написать свою, снабдив её слезами и хлюпаньем носом по поводу несчастных изгнанников. Поэтому ценность таких изданий крайне низка. Причём если заметил внимательный читатель, то в книгах об эмиграции практически нет рассказов о тех, кто работал на заводах, батрачил на селе, служил в иностранном легионе. Главными героями выступают бывшие высшие слои российского общества и творческая интеллигенция, то есть те, кто смог различными путями устроить себе безбедное существование или, как модно нынче говорить - элита.

Взяться за перо меня заставил выход книги, профессора Санкт-Петербургского государственного университета В. И. Хрисанфова, которая выгодно отличается от ширпотребовских публикаций, написанных на эту тему, глубиной и скрупулёзностью проработки литературы и источников. Занимаясь данной проблематикой не один год, он обратил внимание на разброс данных, о численности российской эмиграции «первой волны», (1917 – 1920 гг.) от 600 тыс. до 4 млн. человек, в имеющейся литературе. По большей части эти цифры попали в труды современных историков, без должной проверки, из работ эмигрантов. На первый взгляд может показаться, что установление более или менее достоверных цифр мало что даёт для понимания исторического процесса. В действительности, это не так. На цифрах строится концепция о «массовом исходе из России», о существовании «Зарубежной России», «Российской эмигрантской империи», «России 2». Так что обращение к цифрам выводит нас на определённые политические выводы и обобщения.

Для прояснения вопроса В. И. Хрисанфов использовал материалы комиссии Лиги Наций, газетную периодику главных центров расселения русской эмиграции, по фондам Российской национальной библиотеки, мемуары и имеющуюся литературу. Однако, далеко не все издания газет имеют полные комплекты, что конечно затрудняет работу. К сожалению, учёные поставлены в такие условия, что поездка в другой город, не говоря уже о зарубежье, связана со значительными финансовыми издержками. И преодоление «золотого» занавеса ничуть не легче, если не труднее, чем «железного».

Прежде чем перейти к выяснению численности выехавших из России, В. И. Хрисанфов попытался разобраться в терминологии. Поскольку существуют термины «исход», «изгнанники», «эмигранты». Автору оказалась ближе трактовка И. А. Бунина, который говорил, что эмигранты, это люди, добровольно покинувшие родину, потому что не приняли новую власть. Здесь нам могут возразить, а как же быть с теми, кого выслали принудительно, но опять же выслали тех, кто не принял новую власть.

В рамках, изучаемой темы, автор также достаточно убедительно доказывает, что финансовое положение эмигрантов было не одинаковым. Элита жила далеко не так бедно, как об этом принято писать, и получала средства из фондов, оставшихся от царского и Временного правительств, а также от правительств стран пребывания. Она основала массу различных общественных организаций, которые являлись кормушкой для

близких лиц. Другое дело, рядовые эмигранты, которым приходилось начинать всё с нуля и трудиться на заводах, шахтах, в сфере обслуживания. Касается автор и проблемы «возвращенчества», о которой без особой охоты писали эмигрантские авторы, не испытывают к ней интереса и современные исследователи. И происходит это, прежде всего из-за политической конъюнктуры. Однако эта тема требует отдельного, более детального и глубокого исследования.

Следует также добавить, что само понятие русская эмиграция не означает, что это были только этнические русские. Среди покинувших страну находились представители и других национальностей и немало. Так, по мнению французской исследовательницы Е. Гусефф, по крайней мере во Франции, великороссы не являлись большинством среди выехавших из России¹. Поэтому более точно, на мой взгляд, говорить об эмиграции из России, поскольку подсчитать количество русских и не русских в этом потоке вряд ли возможно. Тем более, что в дореволюционной России учитывалось вероисповедание, а не национальность.

С присущей ему тщательностью В. И. Хрисанфов рассматривает проблему численности эмиграции в зарубежной и отечественной историографии и приходит к справедливому выводу о том, что в эмигрантской историографии появлялись весьма завышенные цифры выходцев из России оказавшихся за рубежом. При этом авторы не указывали источники своей осведомлённости. Из зарубежных источников, по мнению Хрисанфова, ближе к истине были данные комиссии лорда Дж. Симпсона, созданной по инициативе Лиги Наций, хотя и они не во всём бесспорны, но как раз то их большинство эмигрантских авторов и обходили стороной, поскольку они не вписывались в их представления о массовом исходе. Таким образом, численность лиц, эмигрировавших из России, в угоду политическим амбициям намеренно завышалась. Другой причиной этого явления стало получение иностранной помощи в больших, чем это было необходимо объёмах.

Переходя к рассмотрению советской литературы о численности эмиграции, автор начинает с цифры приведённой В. И. Лениным в речи на Всероссийском съезде транспортных рабочих 27 марта 1921 г. Тогда глава Советского правительства определял общую численность эмиграции до 700 тыс. человек². Однако, выступая перед этим 16 марта, при закрытии X

¹Гусефф К. Русская эмиграция во Францию: социальная история (1920–1939 годы) / Пер. с франц. М., 2014. С. 15, 47.

²Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 138.

съезда РКП (б), Ленин говорил о двух миллионах эмигрантов³. В докладе о тактике РКП на III конгрессе Коминтерна 5 июля 1921 г. он определял количество эмигрантов в полтора или два миллиона человек⁴. Как видно из приведённых высказываний в марте точка зрения на масштабы эмиграции поменялась дважды и через четыре месяца он повторил цифру, озвученную на съезде партии. Правда, не ясно, на каких источниках основывались его утверждения и каковы причины такого разброса в цифрах. Для историографической работы было бы крайне интересно проанализировать происхождение этих данных, поскольку в дальнейшем советские историки оперировали этими цифрами.

Анализируя цифры, которые использовали советские историки В. И. Хрисанфов приходит к выводу, что они либо заимствовали без проверки соответствующие цифры из эмигрантской литературы и мемуаров либо из отчётов Международного бюро труда, комиссии Дж. Симпсона, а также из Бюллетеня исполнительного комитета совещаний бывших членов Учредительного собрания и тоже без проверки приводимых в них данных. Наиболее высоко, и совершенно справедливо, автор оценивает работу ленинградского историка Г. Ф. Барихновского, который первым из советских исследователей попытался представить реальные масштабы эмиграции первой волны, используя различные виды источников. В целом же отечественные историки, по мнению Хрисанфова, явно завышали численность выехавших, пытаясь изобразить массовый исход из России.

Закончив историографический обзор, В. И. Хрисанфов начинает собственные подсчёты количества эмигрантов из России. При этом к эмигрантам он относит только тех, кто выехал из страны, а те, кто в связи с распадом России остался во вновь образовавшихся государствах не попадают в рассматриваемую категорию. Автор также обращает внимание на то, что одна из трудностей в подсчётах состоит в том, что эмигранты часто переезжали из одной страны в другую и поэтому одних и тех же людей учитывали по нескольку раз. Чтобы избежать этой ошибки, он пытается учесть тех лиц, которые приехали в ту или иную страну прямо из России. При этом автор ведёт подсчёты российских диаспор по отдельным странам, что совершенно справедливо. Только так и можно составить представление об общем количестве эмигрантов.

³Там же. С. 126.

⁴Там же. Т. 44. С. 39.

Для начала он наметил пути, по которым люди покидали Россию и пришёл к выводу о том, что из России имели место две массовые эвакуации: с Юга и Дальнего Востока. В одной из новейших работ по истории эмиграции утверждается, что кроме южного пути, другой главной дорогой в эмиграцию являлась Польша. Этот вывод, делается на основании того, что в 1927 г. в Польше проживало 100 тыс. русских⁵. Судя по тексту книги, в это число попали русские, которые проживали на этих территориях до распада Российской империи. В связи с этим подсчёты Хрисанфова, который определяет число российских эмигрантов в Польше в 50 тыс. человек, учитывая недружественное отношение властей к русским, как кстаи в Прибалтийских республиках и Финляндии, представляются более реалистичными.

Определив основные направления движения эмигрантских потоков, В. И. Хрисанфов начинает выяснять количество эмигрировавших по местам их первоначального расселения с опорой на эмигрантскую прессу. Разнобой цифр в газетах впечатляет. Прежде всего, автор пытается выяснить, где это возможно, источник информации каждой газеты, или лиц писавших по этому вопросу, правда делается это не во всех случаях. По наблюдению автора, в основе ряда тех или иных цифр лежали слухи. Интересно было бы также знать, насколько зависели сообщаемые цифры от направления данного издания.

Исследуя вопрос об эвакуации Крыма, и сопоставляя различные источники, автор останавливается на цифре в 100 - 110 тысяч человек эвакуированных, как наиболее реальной. В принципе не возражая против этих данных, хотелось бы обратить внимание на такие источники, как вахтенные журналы судов, на которых происходила эвакуация и на архив штаба черноморского флота, командующим которого являлся адмирал М. А. Кедров. Наверняка и адмирал или кто-то из его штаба оставили свидетельства об этой эпопее. По свидетельству современников эвакуация Крыма в отличие от Новороссийска была проведена образцово. Части знали, в какие порты они должны следовать и там их уже ожидали суда готовые к перевозке отступающих в Турцию.

По каждой стране рассеяния В. И. Хрисанфов старается выяснить более или менее адекватную цифру эмигрантов из России, сопоставляя данные источников и литературы. Так, рассматривая количество эмигрантов во Франции, он определяет их цифру в 120 тыс. человек, в том числе и 30 тыс. в Париже. По мнению французской исследовательницы

⁵Гусефф К. Русская эмиграция во Францию...С. 70.

Е. Гусефф, всего во Франции насчитывалось от 70 до 80 тыс. человек, что намного меньше цифры в 400 тыс., которая гуляет по страницам различных книг⁶. Что касается Германии, то Хрисанфов определяет численность россиян в этой стране примерно в 40 тыс. При этом, он делает весьма обоснованное замечание о том, что из эмигрантских источников не всегда можно понять, охватывают приводимые цифры всю страну или относятся только к Берлину. Весьма обоснованно опровергает автор и цифры о десятках тысяч беженцев в Эстонию. После сопоставления различных данных он приходит к выводу, что их было не более 15 тыс.

Главный вывод, к которому приходит автор в завершение исследования, это завышенные цифры оказавшихся в эмиграции людей. По его выкладкам в Европе оказалось не более 600 тысяч беженцев и политических эмигрантов, что соответствует данным на 1922 г., по оценкам комиссии Дж. Симпсона количество эмигрантов из России в Европе составило 635600 – 755200 человек. К наиболее распространённым ошибкам при подсчётах автор относит двойной пересчёт эмигрантов связанный с повторным переселением из одной страны в другую. Среди причин, которые вели к завышению численности эмиграции он также относит желание её верхов показать, что «вся Россия бежала от большевиков». Имелся ещё и меркантильный интерес, связанный с получением материальной помощи от союзников.

В заключении исследования, очевидно, чтобы подсластить пилюлю апологетам эмиграции В. И. Хрисанфов делает вывод о том, что вклад послереволюционной эмиграции заключался не в её «особой миссии», а «в культурно-просветительной деятельности россиян в странах проживания, где они знакомили местное население, интеллигенцию с различными сторонами культурной жизни дореволюционной России<...>». Однако здесь встаёт вопрос, а насколько местное население нуждалось в такой деятельности. На мой взгляд, культурная деятельность эмиграции была нужна, прежде всего, для неё самой, для сохранения собственной самоиндификации, поскольку последующие поколения эмигрантов превращались в граждан тех стран, в которых они проживали с восприятием культуры этих стран, но это отдельный вопрос, требующий специального изучения.

В целом оценивая труд профессора В. И. Хрисанфова можно сказать, что мы имеем высокопрофессиональное исследование, которое открывает путь для дальнейших поисков.

⁶Там же. С. 11, 113–120.

Сведения об авторе

Смолин Анатолий Васильевич — доктор исторических наук, профессор кафедры истории Нового и новейшего времени, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail smolin1947@yandex.ru

Information about the author of review

Smolin Anatoli Vasilievich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Modern and Contemporary history, Institute of History, St-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation.

E-mail smolin1947@yandex.ru